

СОБАЧИЙ КОД В ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

В «Тарасе Бульбе» обращает на себя внимание обилие бранных выражений с ключевым словом *собака*, образующих особую тематическую сферу¹ и семантически соотнесенных с важнейшей для гоголевской повести оппозицией «свой» мир – «чужой» мир. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» отмеченная оппозиция «непосредственно связана с присутствием фантастического плана, построенного на отношениях посюстороннего мира с потусторонним...»². Рассматривая религиозно-мистический контекст гоголевских произведений, С.А. Гончаров отметил попутно то «важное место», которое «занимает “собачья” мифология» у Гоголя, указав на связь собаки в его мире «с хтонической сферой»³.

Попытаемся реконструировать *собачий* код в «Тарасе Бульбе», учитывая мифологические представления о собаке как его основной источник⁴. Существенной представляется функция отсылки этого кода к определенной культурной топике, позволяющей понять семантику *собачьих* номинаций. Они обычно не отождествляют кого-либо прямо с собакой (речь, как правило, идет о фигуральном отождествлении), но вызывают значимые ассоциации, проясняющие отношение к предмету номинации.

Событие номинации, порожденное коммуникативной ситуацией (встреча или столкновение персонажей и т.д.), усиливает оценочную роль коннотаций, окружающих слово *собака* и обнажающих его мифологические смыслы. В «Тарасе Бульбе», где фантастический план отсутствует, актуализация *собачьего* кода призвана обозначить границы между разными мирами, одному из которых приписываются свойства и признаки не просто «чужого», но нечеловеческого.

Разного рода *собачьи* наименования встречаются в составе бранных идиом, приобретая исключительную значимость в инвективном общении, особенно как ругательство, сопрягающее собаку и мать⁵. Сокращающие инвективу варианты с выражением *собака* или *сукин сын*⁶ служат обвинением «в позорном или даже дьявольском происхождении» с целью понижения «социального статуса» оппонента⁷. У Гоголя именно снижение и дискредитация статуса (причем не столько социального, сколько конфессионального и этнического) – главная цель переноса на человека *собачьих* качеств.

Подобные переносы, рассчитанные преимущественно на создание комического эффекта, встречаются уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Например, в «Сорочинской ярмарке» кум, упоминая сатану, бахвалится своей храбростью: «...будь я собачий сын, если не поднес бы ему дулю под самый нос!»⁸. В «Майской ночи, или Утопленнице» незнакомец, в котором Левко узнает своего отца, сельского голову, поминает его недобрым словом: «Попробует он, собачий сын, каковы у меня кулаки» (I, 162). Голова честит далее и немцев: «Я бы батогом их, собачьих детей!» (I, 165). А пьяный Каленик бранит самого голову: «Чтобы он издохнул, собачий сын!» (I, 166).

С помощью *собачьего* кода, предстающего у Гоголя как код символический, выявляются латентные значения слова *собака*. Существующая связь «“собачьего” мата и нечистой силы» предполагает замену собаки, считающуюся «исключительно нечистым животным», чертом, дьяволом или «спутником дьявола»⁹. В «Майской ночи, или Утопленнице» винокур рассказывает голове историю про мертвеца, пугающего по ночам тещу: «...только станет примеркать, погляди на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу...» (I, 167). Схваченному Левко, скинувшему «страшную личину», достается от головы: «Это ты, собачий сын! вишь, бесовское рожде-

ние! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьявол строит штуки!» (I, 177).

В «Тарасе Бульбе», по сравнению с «Вечерами», смысловой и оценочный диапазон *собачьих* ругательств существенно расширяется, что связано с актуализацией все новых значений, открываемых систематическим использованием здесь *собачьего* кода.

Отметим прежде всего амбивалентное восприятие собаки персонажами повести¹⁰. Так, название *собака* применяется здесь не только в оскорбительном смысле, но выражает восхищение героем и его одобрение: «“Вишь, какой батько!” подумал про себя старший сын, Остап: “всё, старый собака, знает, а еще и прикидывается”» (II, 45).

Между «своими» слово *собака* (или устойчивое выражение *собачий сын*) обычно используется в «Тарасе Бульбе» как ритуальная брань, эвфемистически замещающая матерную ругань и выполняющая такую же кощунственную роль: «“А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил?” говорил он, обращаясь к младшему: “что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?”» (II, 42). Выражение *собачий сын* отчетливо соотносится с *матерью* адресата брани; знаменательно, что Бульба, советуя сыну «не слушать матери», далее «пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати» (II, 43).

В качестве бранного слова *собака* (как и выражение *собачий сын*) наделяется в повести Гоголя местоименной функцией, подобно близким по ситуативному значению обценным словам¹¹. Что же касается семантического спектра брани, то ее нюансы зависят от *предмета*, на который она направлена, и от адресата.

Так, в сцене выбора кошевого Кирдюг, который «как будто бы не ведал ни о чем происходившем», «был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньями сзади кулаками, пинками и увещаньями: “Не пяться же, чортов сын! Принимай же честь, собака, когда

тебе дают ее”» (II, 71). Именование одновременно *чортовым сыном* и *собакой* служит вроде как негативной оценкой поведения, внешне противоречащего нормам казацкого *товарищества*. Однако сопротивление Кирдюга на деле отвечает установленному порядку избрания, так что негодование казаков носит явно показной характер. Поэтому и становится возможным комическое обыгрывание словесных *кощунств*, не снижающих статуса кошевого.

В приведенном примере *собака* выступает в качестве синонима табуированного обценного слова. Это же слово подразумевается и в обращении к «приземистому козаку», прибывшему в Сечь на пароме: «“Да говори нам, что делается, собачий сын!” закричал один из толпы, как видно, потеряв терпение» (II, 76). Здесь бранное выражение выдает крайнее раздражение кричавшего, не предполагающее каких-либо комических обертонов. У раннего Гоголя отмечена передача признаков от одного мира к другому, означающая и способность видеть в «своем» «чужое»¹². В «Тарасе Бульбе» использование *собачьего* кода призвано усилить подобную способность, только место инверсии занимает здесь специфическая метафоричность.

Сравнение с собакой не всегда уподобляет в «Тарасе Бульбе» одно явление другому на основании их общего свойства. Например, такому сравнению может быть придано значение *очень сильно* или *до крайности*¹³. Янкель вразумляет Тараса, почему нельзя спрятать того в воз с рыбою: «По всей Польше люди голодны теперь, как собаки: и рыбу раскрадут, и пана нащупают» (II, 152). Но гораздо чаще поведение человека действительно похоже на поведение собаки. В польском городе Андрий сталкивается с беснующимся от голода: «Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке...» (II, 98). А куренной атаман Хлиб, стыдясь, «...что попал в плен, как собака,

сонный» (II, 116), сам отождествляет свое состояние в момент пленения с *собачьим*.

Человека может ожидать и участь собаки, пусть даже и навязанная против воли, но в любом случае не соответствующая его назначению. Тараса возмущает нежелание кошевого начать войну: «Так, стало быть, следует, чтобы пропадала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы?» (II, 69). А вновь избранный кошевой напоминает казакам: «...если кто в походе напьется, то никакого нет на него суда. Как собаку, повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы он ни был, хоть бы найдоблестнейший козак изо всего войска. Как собака, будет он застрелен на месте и кинут без всякого погребенья на поклев птицам...» (II, 81).

Двойственная символика собаки, воплощающей не только нечеловеческое, но и демоническое начало¹⁴, находит важное соответствие в актуальной для «Тараса Бульбы» средневековой христианской антропологии, не просто исключавшей из числа людей всех *неверных*¹⁵ (не считались «полноценными человеческими существами» и христиане, признанные еретиками¹⁶), но и демонизировавшей последних.

В повести Гоголя *собака* выступает одним из воплощений демонического, в тесной связи с которым обвиняется, например, Янкель¹⁷. Принесенное им известие о предательстве Андрия («он уж теперь совсем ихний») кажется поначалу ложным Тарасу именно потому, что сообщено не заслуживающим доверия иноверцем: «Врешь, чортов жид! Такого дела не было на христианской земле! Ты путаешь, собака!» (II, 112). Ругательства *чортов жид* и *собака* связаны с ложью и обманом как дьявольскими атрибутами¹⁸. Слово *собака* не случайно включается далее в набор клишированных обвинений, служащих для Тараса доказательством причастности Янкеля к сфере потустороннего: «“Врешь, чортов Иуда!” закричал, вышед из

себя, Тарас: “Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый Богом человек! Я тебя убью, сатана!”» (II, 114).

Отождествление с *собакой* и с *сатаной* призвано отграничить «свой» (человеческий) мир от мира «чужого» (нечеловеческого), на который не распространяется действие принятых в первом правил. Соплеменники Янкеля и казаки принадлежат, с точки зрения Тараса, к принципиально разным мирам: «“Пропади они, собаки!” вскрикнул, рассердившись, Тарас: “Что ты мне тычешь свое жидовское племя! Я тебя спрашиваю про наших запорожцев”» (II, 111). Заступившись за Янкеля перед казаками, Тарас все равно не видит в нем такого же, как и он, человека: «Жида всегда будет время повесить, когда будет нужно, а на сегодня отдайте его мне» (II, 80). Так и кошевой перед сражением грозит карами не казакам, склонным *погулять*, но шинкарям-евреям, которых приравнивает к *нечистым* животным: «Да вот еще один наказ: если кто-нибудь, шинкарь, жид, продаст козаку хоть один кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лоб свиное ухо, собаке, и повешу ногами вверх!» (II, 110).

Явившись к Янкелю с требованием отвезти его в Варшаву, Бульба вновь прибегает к сравнению с *собакой*: «Я спас твою жизнь, – тебя бы разорвали, как собаку, запорожцы, – теперь твоя очередь, сделай мне услугу!» (II, 150). И разъясняет, почему именно Янкель способен помочь ему встретиться с Остапом: «Вы хоть чорта проведете; вы знаете все штуки: вот для чего я пришел к тебе!» (III, 151). В сознании Тараса, как и вообще в сознании средневековых христиан, существует не столько реальная, сколько мифическая фигура еврея, что превращает того в «некую фикцию»¹⁹. Однако этой *фикции* традиционно присваиваются демонические (= *собачьи*²⁰) атрибуты.

Примечательно, что взгляд на себя извне усваивает и Янкель, когда оправдывается перед Бульбой: «Разве я не знаю, что жида повесят, как собаку, коли он соврет перед паном?» (II, 112). Он недаром опасается и

шляхтичей, глядящих на иноверцев так же, как и казаки: «... потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид» (II, 152). Янкель имеет в виду мифологизированный образ еврея, каким он сложился в средневековом христианском сознании, но вообще-то собаке может уподобиться любой персонаж повести, если в нем признают отступника от «правильной» веры²¹.

В сражении один из *ляхов*, украшенный «пышной сбруей», кричит: «Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!» (II, 137). Но Мосий Шило, известный тем, что спас своих товарищей от турецкого плена, принимает вызов: «“Так есть же такие, которые бьют вас, собак!” сказал он, кинувшись на него» (II, 138).

Гайдук, принимая Тараса, переодетого иностранным графом, за «своего», бранит *собаками* казаков: «“Я не знаю, ваша ясновельможность”, говорил он: “зачем вам хочется смотреть на них. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает”» (II, 160). Для католика-гайдука казаки исключены из числа *людей* по признаку «неправильной» веры. Но точно так же для Бульбы в число *людей* не включены отождествляемые с собакой католики: «“Врешь ты, чортов сын!” сказал Бульба: “Сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!”» (II, 160).

Будучи связанной «с антихристианским и прямо бесовским началом», собака привычно объединяется с иноверцем «по признаку нечистоты»²², причем дело здесь не столько в физической, сколько в религиозной *нечистоте*²³. Носители *еретической* веры потому и отождествляются и гайдуком, и Тарасом с *собаками*, что считаются *нечистыми* в смысле *нечестивыми* и не воспринимаются в качестве «людей».

Янкель укоряет Тараса, ответившего гайдуку оскорблением на оскорбление, которое, правда, вслед за Тарасом и повторяет: «И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народ, что не может не

браниться» (II, 161). Называя гайдука *собакой*, он, однако, всего лишь воспроизводит предсказуемое для него мнение Тараса о персонаже, представляющем «чужую» веру и «чужой» мир.

Сам же Тарас, уподобляя кого-либо собаке, имеет в виду и тех, кто пересекает реальную и одновременно мифологическую границу между «своим» и «чужим» мирами в том или ином направлении. Поступок Янкеля, проникшего в Дубно вместе с отрядом, возглавляемым паном, задолжавшим ему «сто червонных», Бульба способен оценить с точки зрения поляка: «“Как же ты: вошел в город, да еще и долг хотел выправить?” сказал Бульба: “И не велел он тебя тут же повесить, как собаку?”» (II, 111). Янкель движется из мира казаков во враждебный им польский мир, поэтому именно такой конец представляется Тарасу наиболее вероятным.

Рассуждая так, он словно предсказывает и отношение поляков к себе, когда, схватив Тараса, гулявшего «по всей Польше с своим полком» и уходившего до поры «от всех преследований» (II, 169), обрекают они его на мучительную смерть: «“Теперь нужно придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать”. И присудили, с гетьманского разрешенья, сжечь его живого в виду всех» (II, 170). Для поляков Тарас действительно *собака* – и в качестве врага, много избившего «всякой шляхты» (II, 169), и в качестве одного из ненавистных *еретиков*²⁴.

Поскольку для персонажей «Тараса Бульбы» праведной считается только «своя» вера, то для характеристики «чужой» веры типичны выражения, где к слову *собака* добавлено название инородца и/или иноверца²⁵. Кошевой так объясняет казакам возможные последствия войны: «А во время отлучки и татарва может напасть: они, турецкие собаки, в глаза не кинутся и к хозяину на дом не посмеют прийти, а сзади укусят за пяты, да и больно укусят» (II, 75). Происходит буквальное и одновременно мифологическое отождествление инородцев и иноверцев, носителей, согласно средневековым представлениям, *собачьей веры*²⁶, с собакой.

Тот же кошевой, приказывая начать осаду Дубно, называет *собаками* жителей польского города: «Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!» (II, 86). Слова *поганый* и *собаки* в смысле восприятия иноверцев служат синонимами, обозначая тех, кто отклонился от «правильной» веры и следует вере греховной²⁷.

Собачий код актуализируется в гоголевской повести и тогда, когда отмечается негативная метаморфоза (в смысле появления внешнего сходства или изменения внутренней сущности) «своего» в «чужого». Выбирая кошевого, казаки отвергают Мосия Шила, который, напившись, утащил из другого куреня и заложил шинкарю всю сбрую: «Что он за козак, когда прокрался, собачий сын, как татарин? К чорту в мешок пьяницу Шила!» (II, 70). А казак, прибывший с паромом в Сечь, объясняет причину попустительства творящемуся на Гетьманщине *беззаконию*: «А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да – и нечего греха таить – были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру» (II, 77).

Ругательства в приведенных примерах не случайно сопровождаются знаменательным упоминанием *татарина* и *чорта* (и слуги последнего, *пьяницы*²⁸) или сообщением о таком кощунственном акте, как перемена веры. Если *собачий сын* Шило видится грешником, увлеченным плотскими страстями и уподобляющимся в своем поведении иноверцу, то ставшие изменниками «наши» служат, будучи *собаками*, символами презрения и отступничества²⁹.

Тарас так оценивает метаморфозу отступников, перенимающих «бусурманские обычаи»: «...свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке» (II, 133–134). Традиционное представление об отсутствии души у инородца возводит его происхождение к животным или указывает на превращение в них³⁰. С позиции этноцентризма «своему» приписывается признак *человеческий*, «чужому» – признак *нечеловече-*

*ский*³¹. Вместе с тем свойства «чужих» могут обнаруживаться и у «своих», что указывает на перемену не только статуса, но и сущности.

Слово *собака* связано в «Тарасе Бульбе» с представлением об отрицательном превращении. Это может быть и фигуральное превращение в собаку в случае нарушения кем-либо из казаков принципов *товарищества*: «Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине?» (II, 124). Выражение *как собаку* характеризует здесь не только состояние того, кто против воли может *пропасть на чужбине*, но и поступок бросившего его казака, нарушившего принятые в «своем» мире нормы поведения.

Нечеловеческое начало отчетливо проступает в облике и в поведении Андрия, рубящего в битве запорожцев: «...понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрееший и молодежший всех в стае. Аукнул на него опытный охотник, – и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега» (II, 142). *Животная* трансформация является следствием того, что он еще раньше «продал веру и душу» (II, 114). Правда, Тарас по-прежнему видит в Андрии «своего»: «Как?.. Своих?.. Своих, чортов сын, бьешь?..» (II, 142). Однако сравнение с *псом* и именование *чортовым сыном* указывает на сознаваемую Тарасом необратимость его превращения³².

Гибель младшего сына, ставшего одним из «католических недоверков» (II, 133) и убитого собственным отцом, воспринимается последним как *собачья смерть*³³. Андрий, утратив веру, лишается такого определяющего человека признака, как душа: «“Чем не козак был?” сказал Тарас: “и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!”» (II, 144). Отсутствие у собаки и у иноверца «души в собственном смысле этого слова» служит общим их признаком: «и те, и другие лишены общения с Бо-

гом» и «с людьми, объединенными верой», так что даже трупы иноверцев необходимо было «оставлять “псам на съедение”»³⁴. Потому Тарас и не собирается предать мертвого Андрия земле.

Актуализация *собачьего* кода сближает повествование в гоголевской повести с фольклорным, которое «...передает явление таким, каким его увидел бы каждый и всегда, – явление вообще»³⁵. Когда в фольклоре иноверец называет себя *собакой*, то подобное самоименование отражает тот факт, что всякое *отдельное* видение выступает как «видение всеобщее»³⁶. В «Тарасе Бульбе», где образ собаки, запечатлевая *всеобщую* реакцию на «чужое» и «чужих», вбирает в себя важные мифологические смыслы и становится образом символическим, *собачий* код приобретает поистине универсальное значение.

¹ См. сжатое описание этой тематической сферы: *Кривонос В.Ш.* Собачья тема в «Тарасе Бульбе» Гоголя // Гоголезнавчі студії. Вип. 5 = Гоголеведческие студии. Вып. 5. Ніжин, 2000. С. 143–149.

² *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 32.

³ Там же. С. 290–291. В литературе не раз отмечался «тот хорошо известный факт, что в мифологическом осмыслении собака – это хтоническое животное...» (*Смирнов И.П.* Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я и сделался собакой») // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 196).

⁴ Мы исходим из «презумпции кодированности», которая «входит в понятие текста», специфика которого определяет реконструкцию кода (*Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 149).

⁵ *Жельвис В.И.* Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 261. Матерная брань рассматривается как имитация человеком речевого поведения пса (*Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994. С. 87–90).

⁶ «... это тот же мат, только осуществленный разрешенными словами» (*Жельвис В.И.* Указ. соч. С. 262).

⁷ Там же. С. 263.

⁸ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. I. [М.; Л.], 1940. С. 124. Далее ссылки на это издание с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами приводятся в тексте.

⁹ *Жельвис В.И.* Указ. соч. С. 262.

¹⁰ Стилистическая нейтральность слова «собака» дает возможность использовать его в противоположных смыслах (Там же. С. 269–270). Ср.: Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр., доп. Т. IV. М., 1984. С. 168.

¹¹ Ср.: *Левин Ю.* Об обценных выражениях русского языка // Анти-мир русской культуры. М., 1996. С. 115.

¹² См.: *Смирнов И.П.* Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 68–70, 76.

¹³ Ср.: Словарь русского языка. Т. IV. С. 168; Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1968. С. 442.

¹⁴ В народных представлениях собаке традиционно приписываются демонические функции (*Гура А.В.* Собака // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 440).

¹⁵ См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. М., 1992. С. 136–143.

¹⁶ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 87.

¹⁷ См.: *Кривонос В.Ш.* «Еврейский сюжет» в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Гоголевский сборник. СПб., Самара, 2003. С. 61–62.

¹⁸ См. о связи мифологического пса с мотивами лжи и обмана: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 107.

¹⁹ *Трахтенберг Д.* Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом / Пер. с англ. М.; Иерусалим, 1998. С. 203.

²⁰ Оборотничество демонической силы проявляется и в способности принимать (наряду с обликом других животных) вид собаки. См.: *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 45.

²¹ Показательно, что в Сечи в ходу было уподобление всякого иноверца собаке, не только еврея, но и «басурманина» (*Марковин Н.* Очерк истории запорожского казачества // Запорожская Сечь. М., 2004. С. 92).

²² *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. С. 95.

²³ В качестве нечистого животного собака не раз упоминается в Библии (*Нюстрем Э.* Библейский словарь / Пер. со швед. СПб., 1995. С. 319). В Новом Завете собака служит символическим обозначением «нечестивых людей» и «язычников» (Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 664).

²⁴ Еретиков-схизматиков поляки по обыкновению называли «“быдлом” (животным), “песьей кровью”» (*Апостолов А.* Запорожье: страна и народ // Запорожская Сечь. М., 2004. С. 162).

²⁵ См.: *Белова О.В.* Иноходец // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 204.

²⁶ См.: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 92–93.

²⁷ Ср.: Там же. С. 93.

²⁸ См.: *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 18.

²⁹ Ср. представление о привычном для *собачьего* (= скотского) поведения нарушении табу: *Жельвис В.И.* Указ. соч. С. 274.

³⁰ *Белова О.В.* Указ. соч. С. 204. Ср.: «Общее “бездушие” инородцев и животных выражается в том, что они могут превращаться друг в друга» (*Белова О.* Евреи и нечистая сила (По материалам славянской народной культуры) // *Трахтенберг Д.* Указ. соч. С. 260). См. о связи превращений в поэтике Гоголя с архаической логикой фольклорного мышления: *Гольденберг А.Х.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя и традиции народной культуры. Волгоград, 1991. С. 57.

³¹ Белова О.В. Свой-чужой // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 425–426.

³² См.: Кривонос В.Ш. Сон Тараса в структуре повести «Тарас Бульба» // Известия РАН. 2002. Т. 61. № 4. (Сер. лит. и яз.). С. 16.

³³ Т.е. «смерть, предназначенная для собак» (Успенский Б.А. Указ. соч. С. 95).

³⁴ Там же. С. 94. Ср.: «Песья, собачья вера, безверие» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. I. М., 1903. Репринт. М., 1994. Кол. 814).

³⁵ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980. С. 17.

³⁶ Там же.